

Гилберт Кийт Честертон

Око Аполлона

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Отец Браун

Гилберт Честертон
Око Аполлона

«ФТМ»

1911

Честертон Г. К.

Око Аполлона / Г. К. Честертон — «ФТМ», 1911 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-4467-1524-4

«Таинственная спутница Темзы, искрящаяся дымка, и плотная, и прозрачная сразу, светлела и сверкала все больше по мере того, как солнце поднималось над Вестминстером, а два человека шли по Вестминстерскому мосту. Один был высокий, другой – низенький, и мы, повинувшись причуде фантазии, могли бы сравнить их с гордой башней парламента и со смиренным, сутулым аббатством, тем более что низкорослый был в сутане. На языке же документов высокий звался Эркюлем Фламбо, занимался частным сыском и направлялся в свою новую контору, расположенную в новом многоквартирном доме напротив аббатства; а маленький звался отцом Дж. Брауном, служил в церкви Св. Франциска Ксаверия и, причастив умирающего, прибыл из Камберуэла, чтобы посмотреть контору своего друга...»

ISBN 978-5-4467-1524-4

© Честертон Г. К., 1911

© ФТМ, 1911

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Честертон

Око Аполлона

Из сборника «Неведение отца Брауна»

Таинственная спутница Темзы, искрящаяся дымка, и плотная, и прозрачная сразу, светлела и сверкала все больше по мере того, как солнце поднималось над Вестминстером, а два человека шли по Вестминстерскому мосту. Один был высокий, другой – низенький, и мы, повинувшись причуде фантазии, могли бы сравнить их с гордой башней парламента и со смиренным, сутулым аббатством, тем более что низкорослый был в сутане. На языке же документов высокий звался Эркюлем Фламбо, занимался частным сыском и направлялся в свою новую контору, расположенную в новом многоквартирном доме напротив аббатства; а маленький звался отцом Дж. Брауном,¹ служил в церкви Св. Франциска Ксаверия² и, причастив умирающего, прибыл из Камберуэла, чтобы посмотреть контору своего друга.

Дом, где она помещалась, был высок, словно американский небоскреб, и по-американски оснащен безотказными лифтами и телефонами. Его только что достроили, заняты были три квартиры – над Фламбо, под Фламбо и его собственная; два верхних и три нижних этажа еще пустовали. Но тот, кто смотрел впервые на свежестроенную башню, удивлялся не этому. Леса почти совсем убрали, и на голой стене, прямо над окнами Фламбо, сверкал огромный, окна в три, золоченый глаз, окруженный золотыми лучами.

– Господи, что это? – спросил отец Браун и остановился.

– А, это новая вера! – засмеялся Фламбо. – Из тех, что отпускают нам грехи, потому что мы вообще безгрешны. Что-то вроде «Христианской науки».³ Надо мной живет некий Калон (это он себя так называет, фамилий таких нет!). Внизу, подо мной, – две машинистки, а наверху – этот бойкий краснобай. Он, видите ли, новый жрец Аполлона, солнцу поклоняется.

– Посмотрим на него, посмотрим... – сказал отец Браун. – Солнце было самым жестоким божеством. А что это за страшный глаз?

– Насколько я понял, – отвечал Фламбо, – у них такая теория. Крепкий духом вынесет что угодно. Символы их – солнце и огромный глаз. Они говорят, что истинно здоровый человек может прямо смотреть на солнце.

– Здоровому человеку, – заметил отец Браун, – это и в голову не придет.

– Ну, я что знал, то сказал, – беспечно откликнулся Фламбо. – Конечно, они считают, что их вера лечит все болезни тела.

– А лечит она единственную болезнь духа? – серьезно и взволнованно спросил отец Браун.

– Что же это за болезнь? – улыбнулся Фламбо.

– Уверенность в собственном здоровье, – ответил священник.

Тихая, маленькая контора больше привлекала Фламбо, чем сверкающее святилище. Как все южане, он отличался здравомыслием, вообразить себя мог лишь католиком или ате-

¹ ...звался отцом Дж. Брауном... – Единственный намек на имя отца Брауна. Предполагается, что имя это «Джон», по аналогии с прототипом Брауна, отцом Джоном О'Коннором.

² Св. Франциск Ксаверий (1506–1552) – миссионер иезуитского ордена. Честертон посвятил ему стихотворение, отмеченное в школе Сент-Полз Мильтоновской премией.

³ «Христианская наука» – религиозное движение в англиканстве, основанное американским теологом Мэри Бейкер Эдди (1821–1910). Ее доктрина изложена в книге «Наука и здоровье, или Ключ к Писанию» (1886). В 1875 г. последователи М. Б. Эдди создали секту. Это учение признает Бога как бесконечный разум и считает нереальным существование физических болезней. Ср. критику «Христианской науки» в рассказе Честертона «Сломанная шпага» и в некоторых рассказах из сборника «Недоверчивость отца Брауна».

истом и к новым религиям – победным ли, призрачным ли – склонности не питал. Зато он питал склонность к людям, особенно – к красивым, а дамы, поселившиеся внизу, были еще и своеобразны. Там жили две сестры, обе – худые и темноволосые, одна к тому же – высокая ростом и прекрасная лицом. Профиль у нее был четкий, орлиный; таких, как она, всегда вспоминаешь в профиль, словно они отточенным клинком прорезают путь сквозь жизнь. Глаза ее сверкали скорее стальным, чем алмазным блеском, и держалась она прямо, так прямо, что несмотря на худобу изящной не была. Младшая сестра, ее укороченная тень, казалась тусклее, бледнее и незаметней. Обе носили строгие черные платья с мужскими манжетами и воротничками. В лондонских конторах – тысячи таких резковатых, энергичных женщин; но этих отличало не внешнее, известное всем, а истинное их положение.

Полина Стэси, старшая сестра, унаследовала герб, земли и очень много денег. Она росла в садах и замках, но, по холодной пылкости чувств, присущей современным женщинам, избрала иную, высшую, нелегкую жизнь. От денег она, однако, не отказалась – этот жест, достойный монахов и романтиков, претил ее трезвой деловитости. Деньги были ей нужны, чтобы служить обществу. Она открыла контору – как бы зародыш образцового машинного бюро, а остальное раздала лигам и комитетам, борющимся за то, чтобы женщины занимались именно такой работой. Никто не знал, в какой мере младшая, Джоан, разделяет этот несколько деловитый идеализм. Во всяком случае, за своей сестрой и начальницей она шла с собачьей преданностью, более приятной все же, чем твердость и бодрость старшей, и даже немного трагичной. Полина Стэси трагедий не знала; по-видимому, ей казалось, что их и не бывает.

Когда Фламбо встретил свою соседку впервые, сухая ее стремительность и холодный пыл сильно его позабавили. Он ждал внизу лифтера, который развозил жильцов по этажам. Но девушка с соколиными глазами ждать не пожелала. Она резко сообщила, что сама разбирается в лифтах и не зависит от мальчишек, а кстати – и от мужчин. Жила она невысоко, но за считанные секунды довольно полно ознакомила сыщика со своими воззрениями, сводившимися к тому, что она – современная деловая женщина и любит современную, дельную технику. Ее черные глаза сверкали холодным гневом, когда она помянула тех, кто науку не ценит и вздыхает по ушедшей романтике. Каждый, говорила она, должен управлять любой машиной, как она управляет лифтом. Она чуть не вспыхнула, когда Фламбо открыл перед ней дверцу; а он поднялся к себе, вспоминая с улыбкой о такой взрывчатой самостоятельности.

Действительно, нрав у нее был пылкий, властный, раздражительный, и худые тонкие руки двигались так резко, словно она собиралась все разрушить. Как-то Фламбо зашел к ней, хотел что-то напечатать и увидел, что она швырнула на пол сестрины очки и давит их ногой. При этом она обличала «дурацкую медицину» и слабых, жалких людей, которые ей поддаются. Она кричала, чтобы сестра и не думала больше таскать домой всякую дрянь. Она вопрошала, не завести ли ей парик, или деревянную ногу, или стеклянный глаз; и собственные ее глаза сверкали стеклянным блеском.

Пораженный такой нетерпимостью, Фламбо не удержался и, рассудительный, как все французы, спросил ее, почему очки – признак слабости, а лифт – признак силы. Если наука вправе помогать нам, почему ей не помочь и на сей раз?

– Что тут общего! – надменно ответила Полина. – Да, мсье Фламбо, машины и моторы – признак силы. Техника пожирает пространство и презирает время. Все люди – и мы, женщины, – овладевают ею. Это возвышенно, это прекрасно, это – истинная наука. А всякие подпорки и припарки – отличительный знак малодушных! Доктора подсовывают нам костыли, словно мы родились калеками или рабами. Я не рабыня, мсье Фламбо. Люди думают, что все это нужно, потому что их учат страху, а не смелости и силе. Глупые няньки не дают детям смотреть на солнце, а потом никто и не может прямо на него смотреть. Я гляжу на звезды, буду глядеть и на эту. Солнце мне не хозяин, хочу – и смотрю!

– Ваши глаза ослепят солнце, – сказал Фламбо, кланяясь с иностранной учтивостью. Ему нравилось говорить комплименты этой странной, колючей красавице, отчасти потому, что она немного терялась. Но, поднимаясь на свой этаж, он глубоко вздохнул, присвистнул и проговорил про себя: «Значит, и она попала в лапы к этому знахарю с золотым глазом...» Как бы мало он ни знал о новой религии, как бы мало ею ни интересовался, о том, что адепты ее глядят на солнце, он все же слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.